3-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 29

СМЕХАЧ

ОКТЯБРЬ 1925 Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Тел. ред. 5-49-78, тел. конт. 5-36-88 Цена 25 коп.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ —

Рис. А. Радакова

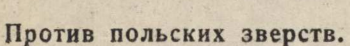

— ВО ГРОБ.

НОТЫ ПРОТЕСТА

В селе Калмыцкий Базар есть при парткоме клуб им. тов. Ленина. Однажды назначили в клубе митинг-протест против болгарских зверств. Но вместо протеста были... танцы до утра.

Против польских зверств.

Против венгерских пыток.

Против колониальной политики.

Против клубной работы в Калмыцком Базаре.

САЛОН-ДИПЛОМАТИК

> Одеваю с гарантией... Готовое и на-заказ... Последние новинки Парижа и Лондона...
>
> Портновское объявление.

На разубранной веранде было стильно и шикарно.
Поболтать о фатерлянде собрались они в Локарно.

Двести-десять журналистов. Триста-восемь дипломатов.
Бывший канцлер, бывший пристав и с десяток ренегатов.

Можно хитрым сердцеедством обольстить и кенарейку!
И Германия с кокетством положила в петлю шейку.

Два посла кивнули кротко, взяли каждый по концу...
— Эта петля вам, красотка, у-ди-ви-тель-но к лицу!

Желчный поэт

ВЕРНАЯ ПРОПАГАНДА

> Румынская газета „Универсул" пишет, что, „вид белой булки по ту сторону Днестра, где расположена Молдавская ССР, вызывает возбуждение у голодных крестьян Бессарабии".
>
> По мнению румынского органа —„в руках Коминтерна новое опасное средство пропаганды—булка".
>
> (Из газет).

Случилось это так.

Обыскивали пограничные жандармы только что пойманного, при переходе на румынский берег Днестра, молодого парня Дердия Талну из Васкоуц.

Обыск производился по всем правилам.

Уже на столе лежал кисет с табаком и трубка, уже левое ухо Дердия было наполовину оторвано, как вдруг один из жандармов вытащил из глухих карманов свитки парня две французских булки и из карманов штанов еще три.

— Стой!..—заорал один из жандармов.—Стой! Надо доложить начальству.

— А что!..

— Дурак. Разве не видишь—большевистская пропаганда. Сложи на стол, а я пойду доложу.

Через минуту в комнату вошел старший унтер-офицер Никуца Кодрян.

При виде пяти булок, он вздрогнул и с яростью набросился на парня.

— А-а!... с-у-у-кин сын!... Пропаганду возишь?!. Большевизм разводишь?!. Где взял?...

— Там... В Молдавской ССР... Купил...

— Купил?... Врешь, такие вещи там не продают. Там такие штуки сам Коминтерн печет и по всему свету заразу рассылает... Купил!... Это тебе заплатили, чтобы ты сюда заразу занес. Взять его! Пропаганду оставить здесь на столе! Я сам буду на карауле, до приезда господина майора. Марш!..

Талну увели.

Кодрян запер двери, написал донесение господину майору, тщательно осмотрел свой револьвер и сел за стол, в полном сознании ответственности взятой на себя охраны.

Перед ним лежало пять штук румяных свежих булок.

— Ишь, черти, что выдумали,—вслух думал Кодрян.—Мало им, что эти дурни и так бунтуют, не признают нас... Нет, еще пропаганду пускают... Вот придет господин майор,—он покажет ему, а меня, чем чорт не шутит, пожалуй, к награде представит... Вот тогда я смогу хотя фунт белой муки купить, а то все мамалыга да мамалыга, аж в горле сперло... Тьфу!..

Он пощупал рукой булки.

— ... Мягкие... И что за народ такой... Все пропагандируют и пропагандируют... А все Коминтерн... То письма пишет, то булки печет... Голова!... Правда, я, например, еще ни одного письма не читал, да и, по правде сказать, и этих... вот... булок... тоже уже с год, как не... Тьфу!...

Кодрян сплюнул набежавшие слюни и подвинул к себе булки.

— ...Интересно,—и куды они сюды пропаганду кладут?.. Булка, как булка, а она и не булка, а пропаганда... У серёдке, должно быть, нигде, как у середке... Ежели разломать, то она там, проклятая. А то, ежели откусить, с краю, то она сама покажется... Только меня она не возьмет, как я старший унтер-офицер и, может, дома награду получу...

Кодрян откусил кусок булки и быстро сжевал его.

Булка была, как булка.

Он откусил еще раз.

— Не во всякую кладут,—подумал Кодрян, принимаясь за другую булку.

— ...Да-а... Народ... Как печет, как печет, проклятый... А все пропаганда. А тут, можно сказать, целый год на мамалыге... А все Коминтерн. И немолодой человек, говорят, а такой прыткий... И все, говорят, для рабочего и для крестьян... все для них старается... И советы, и комитеты, и эту всякую пропаганду...

Кодрян съел третью булку и начал четвертую.

— ...Все для них... А тут мамалыга... А я сам тоже с крестьян, сам, до призыва, землю пахал, а теперь вот тут эту самую пропаганду охраняй... Эх, завелся, бы у нас свой Коминтерн какой... Другое совсем житье было бы... Сам ты себе хозяин, сам на себя работаешь... А тут.. Ох! Чур меня! Свят, свят, свят!.. Вот она самая и есть...

Кодрян стряхнул с мундира крошки пятой булки, порвал донесение майору и улегся на скамейку.

— Дурак этот Талну!—бормотал он, засыпая.—И чего бы ему еще лишних штучки три этой пропаганды захватить... Э-эх!..

В. Финити

ПОКОЙНИК ДЖЕКСОН

В Нью-Иорке открыт музей „сухой контрабанды." Все экспонаты—вещи, отобранные полицией у спиртовозов. Из экспонатов необходимо отметить цинковые гробы для покойников. Эти гробы сделаны с двойными стенками, между которыми наливался спирт. *Покойники же брались напрокат.*

Из газет.

Вы знали Джексона? Конечно,
Сто сорок семь, Кентукки-Стрит.
Он жил легко, он пил беспечно,
Но виски с содой быстротечно,
И вот его скосил... плеврит.

Сто сорок семь, Кентукки-Стрит.
Семьсот свечей над ним горит.
С печатью мудрости на лбу,
Покойник мирно спит в гробу.

Вы знали Джибсона? Едва-ли!
Он человечьей слыл трухой,
Ему руки не подавали,
Он был из „спиртовозной швали,"
Врагом Америки „сухой"

„Сто сорок семь, Кентукки-Стрит"—
Шофферу Джибсон говорит...
Наследник Джексон, слеп, как крот,
Пустил папашу в оборот.

Иссине бритые апаши,
Бандиты биржевых кровей,
Внимали, слез проливши чаши,
Пластинке с голосом папаши
В тиши кладбищенских ветвей.

В могилу гроб пустой зарыт.
Сто сорок семь, Кентукки-Стрит—
В руках у сына—жирный чек.
Сын Джексон—гнусный человек!

На утро рослый Томкинс Бобби,
А по российскому—мильтон,
По долгу службы, не по злобе,
Нашел у Джексона „во гробе"
Большущий спиртовой бидон.

И буркнул Джибсон, хмур, небрит:
Сто сорок семь, Кентукки-Стрит.
Тому порукой адвокат:
Покойник взят мной напрокат!

. . . .

В стране великой капитала,
Где на учете каждый цент,
Где водки и вина не стало,—
И телу мертвому пристало
В хозяйстве приносить процент!

Александр Флит

БИЛЕТ

Ж.-д. комедия в 3-х актах с прологом и эпилогом

Действующие лица: 1. Чертков, телеграфист ст. Тирасполь (Юго-Зап. ж. д.).

2. Н-к участка (за сценой).

Поезда, контролеры и пр.

ПРОЛОГ

Помещение телеграфа ст. Тирасполь. Стучит аппарат и сердце телеграфиста. Последнее—от волнения: телеграфист Чертков пишет рапорт Н-ку участка.

Чертков (читает написанное—вслух): „Прошу разрешить двухнедельный отпуск и выдать разовый билет до Москвы"... Дадут иль не дадут? Вот вопрос.

(Сцена погружается в темноту на время, пока решается этот вопрос и рапорт гуляет по инстанциям. Снова свет).

Чертков (радостно потрясает билетом): Дали! Итак—в Москву, в Москву, в Москву. (Окидывает прощальным взглядом помещение телеграфа).

Прощай, Морзе! Стучи исправно и не шали в мое отсутствие.

(Аппарат сочувственно стучит: та-та, та-та-та...)

Занавес.

АКТ I-й.

Поезд № 4 на перегоне Орша—Гусино, 29-го августа. Чертков в вагоне. Входит контролер.

Контролер: Ваш билет.

Чертков (радостно): Пожал-те. (Дает билет).

Контролер: Гм! (пауза) Гм!! (еще пауза) Этот билет недействителен.

Чертков (изумленно): Как так?!

Контролер (вразумительно): Так как... (тычет пальцем в то место билета, где написано: *„выдан 21-го августа, действителен по 21 августа"*.

Контролер (молча составляет *акт*).

Чертков (молча высаживается из поезда).

АКТ II-й.

Поезд № 22 на перегоне Кордымово-Смоленск, 8-го сентября. Чертков в вагоне. Настроение заячье.

Чертков (трясясь от волнения): Быть или не быть в Москве?

(Входит котролер)

Контролер: Ваш билет.

Чертков: (не говоря ни слова, высаживается).

Контролер: (не говоря ни слова, составляет акт).

АКТ III-й.

Поезд № 3 на перегоне Смоленск-Гусино, 10-го сентября. Чертков возвращается обратно, в Тирасполь.

Чертков: Увы! В Москве мне не бывать!.. Но смогу ли я хоть вернуться домой?

(Насмешливо стучат колёса. Входит контролер).

Контролер (составляет акт).

Чертков (высаживается).

Чертков (на перроне станции Гусино): О, жалкий жребий мой! Итак, я в Гусино! Но как попасть домой? А счастье было так близко, так возможно!.. (Сжимает кулаки, по адресу Н-ка участка).

Подходит поезд № 3. Чертков озирается и осторожно ныряет в вагон).

Чертков: (лежа под скамейкой):

Плыви, мой чёлн, по воле волн...

(Поезд отправляется к милому Тирасполю).

ЭПИЛОГ

Живая картина. Группа людей: в центре—улыбающийся Н-к участка. По бокам в изящных позах, с актами в руках, зоркие службисты-контролеры.

На переднем плане—в позе жертвы трамвая—телеграфист Чертков.

Хор канцеляристов (за сценой):

Не езди в другой раз, не езди!

Занавес.

Примечание автора:

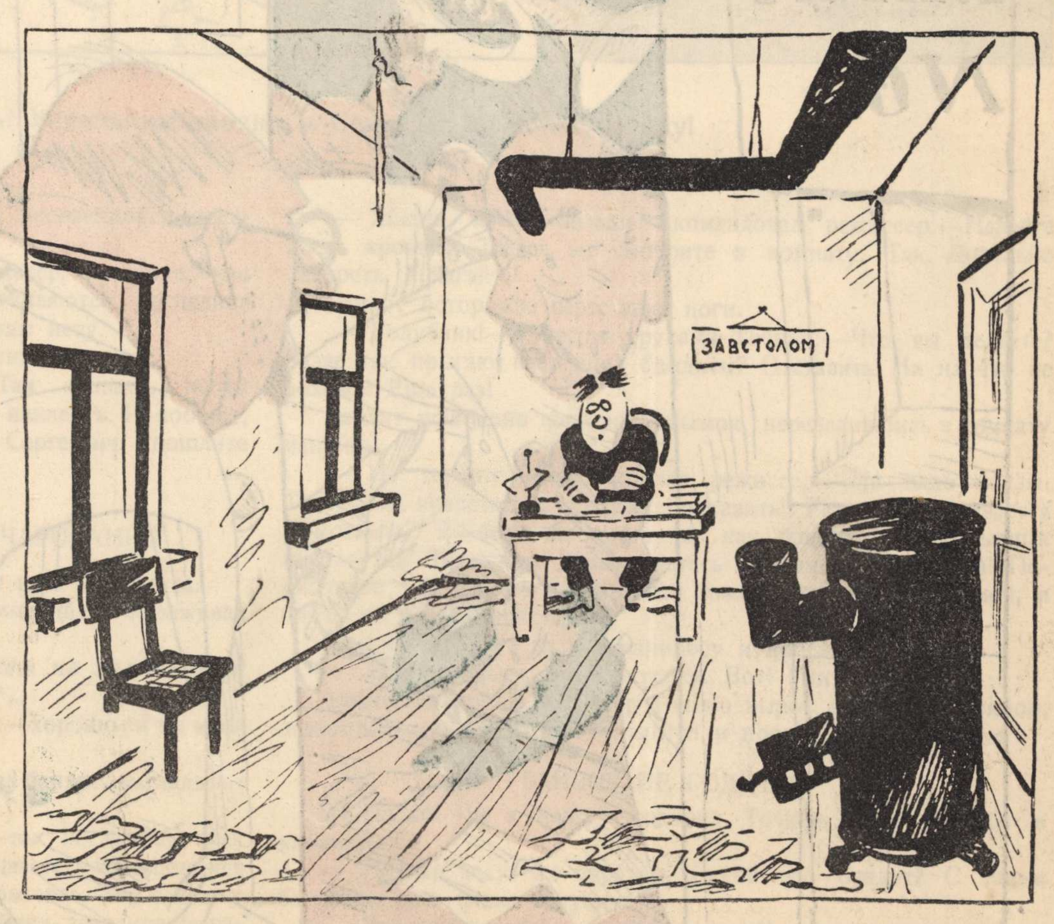
Пьесу рекомендую поставить... на вид начальнику участка.

Пар

БЕСПРИЗОРНЫЙ УРАЛ

Рис. Н. Р.

Уральский областной исполком отпустил 50 руб. на борьбу с беспризорностью
(Московская Правда)

— Так. 50 рублей. Мне—40, отопление—6, освещение—4. Придется на беспризорных—рублей 15 дополнительно попросить!

КИНОБАНДИТ

По соглашению с Угрозыском в съемках картины „Моряк с Авроры“ (постановка Фэкс'а), примут участие настоящие бандиты и налетчики.

(Из газет).

МИНУТЫ ОЖИДАНИЯ

Режиссер Точкин дрожал мелкой дрожью и пил валерьяновые капли.

Его помощник, Чумашенко, возрастом помоложе и нервами покрепче, держался мужественно.

— Голубчик...— говорил Точкин:— Вы уж, пожалуйста, не отходите от меня ни на шаг. Совестно сказать, но боюсь... Боюсь, как никогда... Подумайте: пятнадцать мокрых дел, не считая мелких налетов! Ну, как к нему подойти? Как разговаривать? А вдруг ему придет охота чебурахнуть нас по затылку? Что на это возразишь?

— Ничего не возразишь—согласился Чумашенко, машинально щупая свой затылок:—особенно, после того, как он чебурахнет: ручка-то опытная на эти дела. Пикнуть не поспеешь!

— Шутите!—побелел от страха Точкин:—Легко вам, холостому... А у меня жена—дети... Господи, твоя воля! И на грех — вытребовали самого закоренелого злодея...

— Дак ведь по ходу сценария такой требуется. Постановка прежде всего!

— Так-то так, но могли бы, спокойствия душевного ради, взять начинающего новичка, который, скажем, какую нибудь одну-единственную бабушку задавил. А то—пятнадцать убийств!.. Господи, господи! Если уцелею, обязательно прибавки потребую...

— Ведут!—доложил помощник дрогнувшим голосом.

Режиссер Точкин откинулся на спинку стула и обмер, с зажмуренными глазами.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Несколько секунд он оставался в этой позиции, слыша словно во сне, шаги и покашливание. Наконец, заставил себя открыть глаза—сначала правый, потом левый.

Перед ним стоял низкорослый добродушного вида парнишка с широким румяным лицом и голубыми глазами. По бокам—с револьверами два конвоира.

Режиссер недоуменно глядел на парнишку.

— Этот самый?

Конвоир махнул револьвером.

— Он самый. Бандит Стрелов, он-же Фарт, он же Мишка Пила. На участие в фильме вполне согласен.

И сейчас же обратился к парнишке:

— Только помни, что сказано: бежать нацелишься, монументально прикончим, как собаку. И не надейся!

Режиссер Точкин в пол-голоса говорил помощнику:

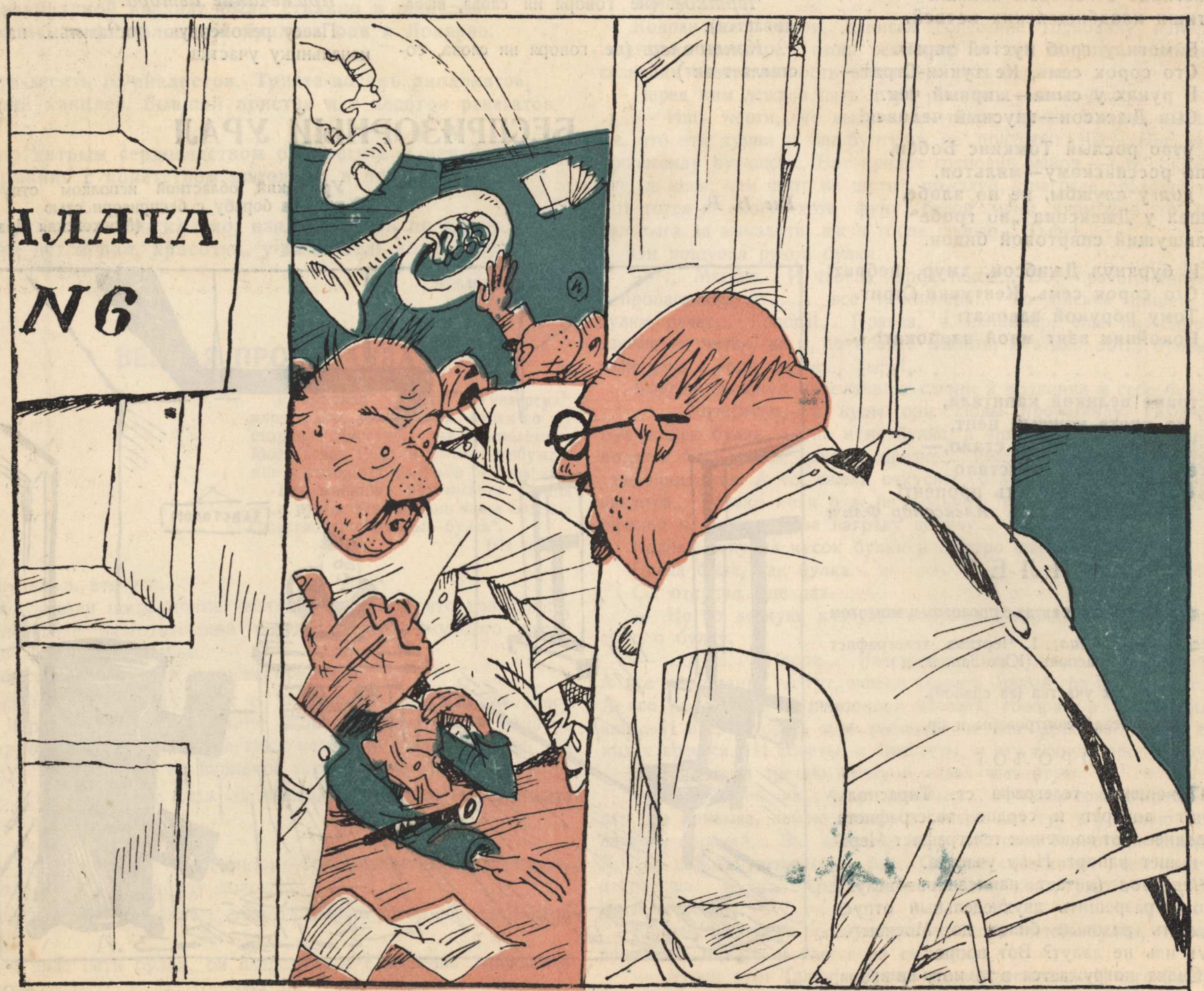
— Голубчик... Нам же нужно зверское лицо... Этакий бородатый злодей, горящие глаза.. Какой же это—бандит?

Конвоир, расслышав последнюю фразу, успокоительно заметил: Не извольте, товарищ, сомневаться: он самый. Вырезал семью в пять душ, распилил, извините, собственную сожительницу на мелкие части, и тому подобное. Самый подходящий для экрана.

СУМАСШЕДШАЯ МУЗЫКА

Во 2-й психиатрической больнице начали применять способ лечения сумасшедших музыкой. Репертуар выбран специальной комиссией психиатров. (Веч. Кр. Газета).

Рис. Б. Антоновского

— Почему у вас больные так раздражены?!.

Санитар: **Должно, капельмейстер путает: у больных „водобоязнь“, а он им играет вальс „Дунайские волны“!**

ПЕРЕ-УПРАЗДНЕНИЕ

Крестьяне д. Б. Замошье, Лужского у. решили не праздновать Иванова дня. Когда-же настал праздник, перепились и пьянствовали три дня.

(Ленингр. Правда № 179)

Рис. Н. Радлова

— Эх, братцы! Гулять так гулять! Упраздним заодно и Секлетею Великомученицу!

Парень застенчиво улыбался, как человек, стесняющийся чересчур откровенной громогласной похвалы.

— Молодча-га—радостно похвалил режиссер, чувствуя, как при виде этого улыбающегося лица, улетучиваются последние остатки страха:—Жаль вот только, что бороды нету.

— Да ему ж всего двадцать лет.—пояснил конвоир.

— Двадцать!—восхитился режиссер: — Так сказать, почти Джекки Куган! А бороду все-таки придется наклеить. И вообще, придать этакое зверское выражение. Иван Сергеевич, пошлите сюда парикмахера.

СМЫЧКА НАЛАЖИВАЕТСЯ. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Конзоиры сидели в сторонке, не спуская глаз с бандита.

Режиссер Точкин, окончательно успокоившийся, налаживал сцену убийства на слова:

„А между тем в окно прыгнул, никем не замеченный зверь-убийца... Он подкрался к спящей“...

— Итак, дорогой мой,— говорил Точкин:—хорошо ли вы меня поняли? Повторите, что вы должны делать.

— Прыгнуть в окно...—неуверенно сказал бандит, выглядывая голубыми глазами из зверского грима:—И...

— Обождите. Прежде, чем прыгнуть,— вы неслышно, как тень, вырастаете на фоне окна, зорко вглядываетесь налившимися кровью глазами в комнату и затем уже прыгаете. Эх, глаза у вас, ей-богу, подгуляли... Придайте им, голубчик, зверское, выражение... Ну-с прорепетируем. Станьте вот сюда, у окна.

Бандит покосился на конвоиров и пошел на место. В пролете бутафорского окна показалась его неуверенная неловкая фигура.

— Жизни, жизни больше! —командовал режиссер:—Налейте глаза кровью! Теперь вы смотрите в комнату. Так. Довольно смотреть. Прыгайте!

Бандит осторожно переставил ноги.

— Голубчик!—всплеснул руками Точкин:—Что вы делаете? Разве так прыгают настоящие бандиты? Отставить! Ни на что не похоже! Еще раз!

Бандит послушно повторил прыжок, перевалившись в комнату мешком.

— Не теряйте темпа!—кричал режиссер:—Не надо паузы. Теперь вы крадетесь к спящей... Отставить!! Разве это называется *красться?!* Ей-богу, вы идете не как бандит, а как бывшая институтка! Теперь вы взмахиваетесь ножом... Боже мой! Посмотрите на него: это называетя взмах! Этак, дорогой мой, и блохи не убьешь! Отставить!

Точкин швырнул на пол папиросу и побежал на сцену.

— Вот, смотрите, я вам покажу. Вот! Учить вас надо!

Бандит смотрел, а режиссер Точкин вырос, как тень, за окном, заворочал свирепо глазами, прыгнул и пополз, словно кошка.

БАНДИТ НЕ ГОДИТСЯ

— Плохо! Ни к чорту!—говорил Точкин, сидя у себя в кабинете:

— Пускай ведут его обратно. Какой это бандит? С таким бандитом весь фильм погубим.

— Вот вам и стаж!—пожал плечами Чумашенко: — пятнадцать убийств, а дурак-дураком!

Режиссер решительно тряхнул головой.

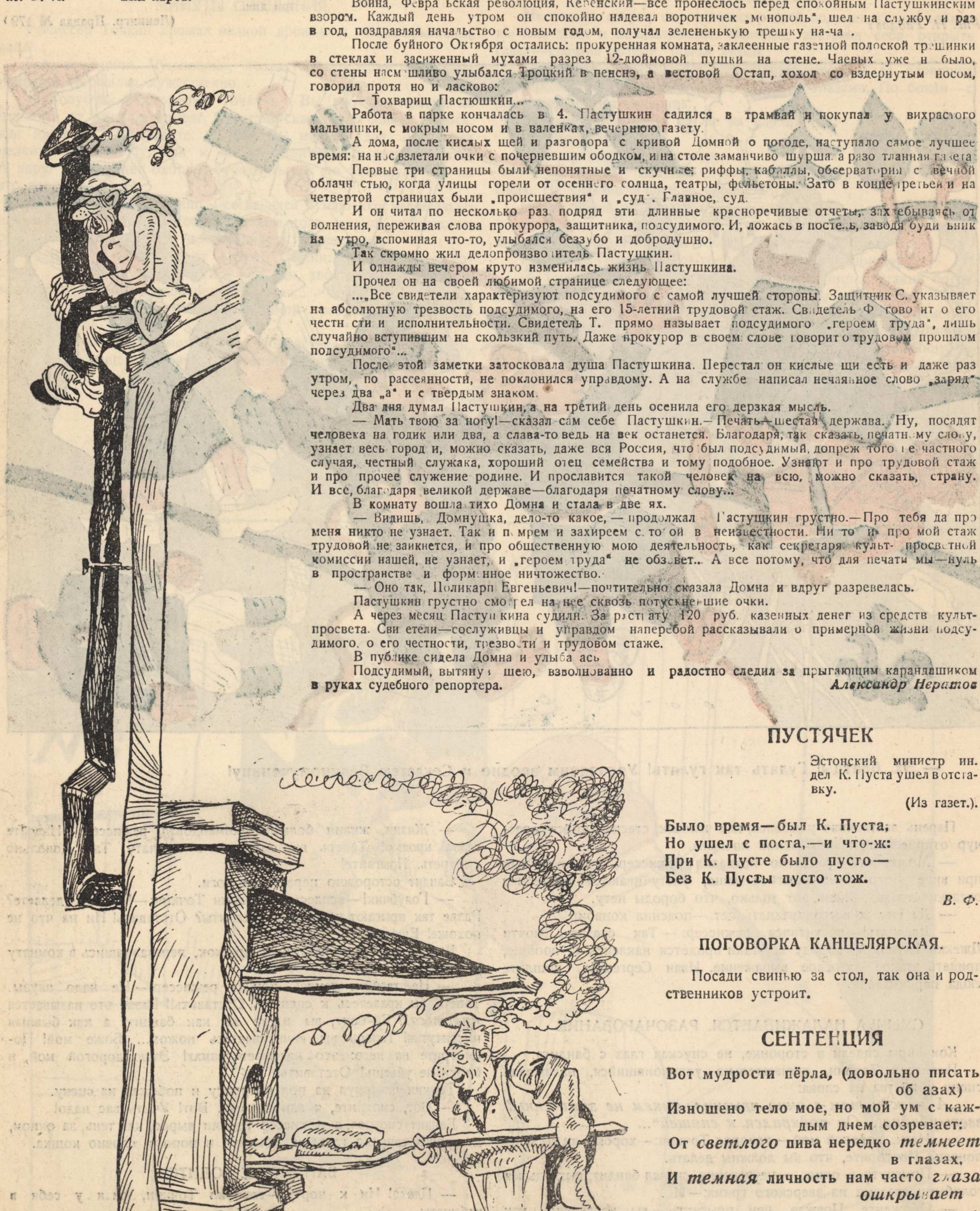
— Ладно. Бандита сыграю я сам.

Ив. Прутков

НА ВСЕХ ПАРАХ

Итальянским инженером изобретен способ добывания алкоголя из хлебных паров.

Рис. Б. А.

Голос сверху: Ф-фу! Запарился!

ЧЕСТОЛЮБИЕ

Фимилия его была нежная и задумчивая, даже немножко пасторальная—Пастушкин. А служил он в очень боевом учреждении—Артиллерийском парке. Место занимал небольшое, но видное—делопроизводитель с 10% нагрузкой.

Война, Февральская революция, Керенский—все пронеслось перед спокойным Пастушкинским взором. Каждый день утром он спокойно надевал воротничек „монополь", шел на службу и раз в год, поздравляя начальство с новым годом, получал зелененькую трешку на-чай.

После буйного Октября остались: прокуренная комната, заклеенные газетной полоской трещинки в стеклах и засиженный мухами разрез 12-дюймовой пушки на стене. Чаевых уже не было, со стены насмешливо улыбался Троцкий в пенснэ, а вестовой Остап, хохол со вздернутым носом, говорил протяжно и ласково:

— Тохварищ Пастюшкин...

Работа в парке кончалась в 4. Пастушкин садился в трамвай и покупал у вихрастого мальчишки, с мокрым носом и в валенках, вечернюю газету.

А дома, после кислых щей и разговора с кривой Домной о погоде, наступало самое лучшее время: на нос взлетали очки с почерневшим ободком, и на столе заманчиво шуршала разостланная газета.

Первые три страницы были непонятные и скучные: риффы, кабиллы, обсерватории с вечной облачностью, когда улицы горели от осеннего солнца, театры, фельетоны. Зато в конце третьей и на четвертой страницах были „происшествия" и „суд". Главное, суд.

И он читал по несколько раз подряд эти длинные красноречивые отчеты, захлебываясь от волнения, переживая слова прокурора, защитника, подсудимого. И, ложась в постель, заводя будильник на утро, вспоминая что-то, улыбался беззубо и добродушно.

Так скромно жил делопроизводитель Пастушкин.

И однажды вечером круто изменилась жизнь Пастушкина.

Прочел он на своей любимой странице следующее:

...„Все свидетели характеризуют подсудимого с самой лучшей стороны. Защитник С. указывает на абсолютную трезвость подсудимого, на его 15-летний трудовой стаж. Свидетель Ф. говорит о его честности и исполнительности. Свидетель Т. прямо называет подсудимого „героем труда", лишь случайно вступившим на скользкий путь. Даже прокурор в своем слове говорит о трудовом прошлом подсудимого"...

После этой заметки затосковала душа Пастушкина. Перестал он кислые щи есть и даже раз утром, по рассеянности, не поклонился управдому. А на службе написал нечаянное слово „заряд" через два „а" и с твердым знаком.

Два дня думал Пастушкин, а на третий день осенила его дерзкая мысль.

— Мать твою за ногу!—сказал сам себе Пастушкин.—Печать—шестая держава. Ну, посадят человека на годик или два, а слава-то ведь на век останется. Благодаря, так сказать, печатному слову, узнает весь город и, можно сказать, даже вся Россия, что был подсудимый, допреж того не частного случая, честный служака, хороший отец семейства и тому подобное. Узнают и про трудовой стаж и про прочее служение родине. И прославится такой человек на всю, можно сказать, страну. И все, благодаря великой державе—благодаря печатному слову...

В комнату вошла тихо Домна и стала в дверях.

— Видишь, Домнушка, дело-то какое,—продолжал Пастушкин грустно.—Про тебя да про меня никто не узнает. Так и помрем и захиреем с тобой в неизвестности. Ни то и про мой стаж трудовой не заикнется, и про общественную мою деятельность, как секретаря культ-просветной комиссии нашей, не узнает, и „героем труда" не обзовет... А все потому, что для печати мы—нуль в пространстве и форменное ничтожество.

— Оно так, Поликарп Евгеньевич!—почтительно сказала Домна и вдруг разревелась.

Пастушкин грустно смотрел на нее сквозь потускневшие очки.

А через месяц Пастушкина судили. За растрату 120 руб. казенных денег из средств культ-просвета. Свидетели—сослуживцы и управдом наперебой рассказывали о примерной жизни подсудимого, о его честности, трезвости и трудовом стаже.

В публике сидела Домна и улыбалась.

Подсудимый, вытянув шею, взволнованно и радостно следил за прыгающим карандашиком в руках судебного репортера.

Александр Нератов

ПУСТЯЧЕК

Эстонский министр ин. дел К. Пуста ушел в отставку.

(Из газет.).

Было время—был К. Пуста,
Но ушел с поста,—и что-ж:
При К. Пусте было пусто—
Без К. Пусты пусто тож.

В. Ф.

ПОГОВОРКА КАНЦЕЛЯРСКАЯ.

Посади свинью за стол, так она и родственников устроит.

СЕНТЕНЦИЯ

Вот мудрости пёрла, (довольно писать об азах)
Изношено тело мое, но мой ум с каждым днем созревает:
От *светлого* пива нередко *темнеет* в глазах,
И *темная* личность нам часто *глаза ошкрывает*

Мих. А.

ТРУЖЕНИЦА

— Чем вы занимаетесь?

— Ручным трудом: сама себе маникюр делаю.

КОММЕРЧЕСКАЯ ЖИЛКА

На рынке стоял неизвестный... По трудкнижке он был безработным, по аппетиту — голодным. В рваном его френче был только один целый карман, и лежала в этом кармане одинокая, далеко не блестящая монета: — гривенник.

И, бродя по рынку, голодный неизвестный останавливался у хлебных ларьков, вдыхал аромат свежего формового, но никогда не решался купить его... Почему? Потому что для неизвестного это было бесполезно и невыгодно. В конце дня неизвестный увидал женщину, продававшую пирожные... Он подошел к ней, и, отдав гривенник, впился в мутный крем губами и зубами...

Вы удивлены? Что за странный субъект? Ведь никогда пирожное не может так насытить, как два кило хлеба... Кто же неизвестный? Лакомка, оригинал, маниак?

Нет, нет, не гадайте! Неизвестный — просто расчетливый человек. Он прекрасно знает, что для отравления хлебом нужно съесть его много, очень много, и что гривенника на это дело не хватит. А бедный самоубийца располагал только этой суммой. Он должен был с минимальной затратой получить максимальную пользу:

И только поэтому он съел пирожное.

М. К—ий.

ДОГАДКА

В деревне Марьино Марийского округа имеется потребиловка. Товару всего на сто рублей, а ревизии производятся беспрерывно. При этом ревизор Соболев та в потребиловской пивной перевизировался, что еле домой добрел.

Семь дней и семь ночей шла ревизия. Казначей не переставал волноваться, и сердце его расширилось: вверх — до левой ключицы, вниз — до левой почки, вправо — до подмышки, влево — зашло за спину.

Бухгалтер занесет только одну цифру в главную книгу, а ревизор прямо из под рук хватает эту цифру, еще мокрую от чернил, и проверяет.

Дверь несгораемого шкафа все время ходит на петлях: чуть казначей руку в шкаф — за ней и ревизорский, глаз, и ревизорская рука.

Все кредитки, серебро и медь — потные, перепотные. Больше в руках, чем в шкафу.

Председатель и члены Правления все ждут результата ревизии: не то на радостях напиться, не то в тюрьму собираться.

А ревизор, знай себе, ревизует. Кончит одну ревизию, вытрет лоб вспотевший, а заодно и нос, и дав й снова ревизовать.

Какой-то perpetuum mobile, вечный двигатель, а не ревизор, Только-только протокол одной ревизии подпишет, как к другой приступает.

Казначею уже камфору вспрыскивают, искусственное дыхание уже делают, а ревизор ревизует.

Бухгалтер, чтоб не стирались при ревизии непросыхающие цифры, стал в книгу заносить химкарандашом.

Правление на две части разделилось: одна часть заняла очередь на сорокаградусную, чтобы отпраздновать благополучное окончание ревизии, другая заняла очередь у нарсуда... на другой случай.

И вдруг председателя осенило (он стоял в первой очереди), и он побежал в свой кооператив и сказал ревизору:

— Вы товарищ, ревизовали пивную?

— Ревизовал бухгалтерскую отчетность, кассовую и товарную наличность.

— А крепость пива? Неужели вы не проверяли, соответст-ует-ли она законной норме?

— Нет! — бледнея, воскликнул ревизор.

— Спешите! сказал председатель.

Ревизор поспешил в пивную. И тогда беспрерывная ревизия словно сборвалась.

Пустели бутылки, пустели полки, пустели ящики.

У казначея сердце вошло в норму.

Бухгалтер отложил химкарандаш и взялся за перо.

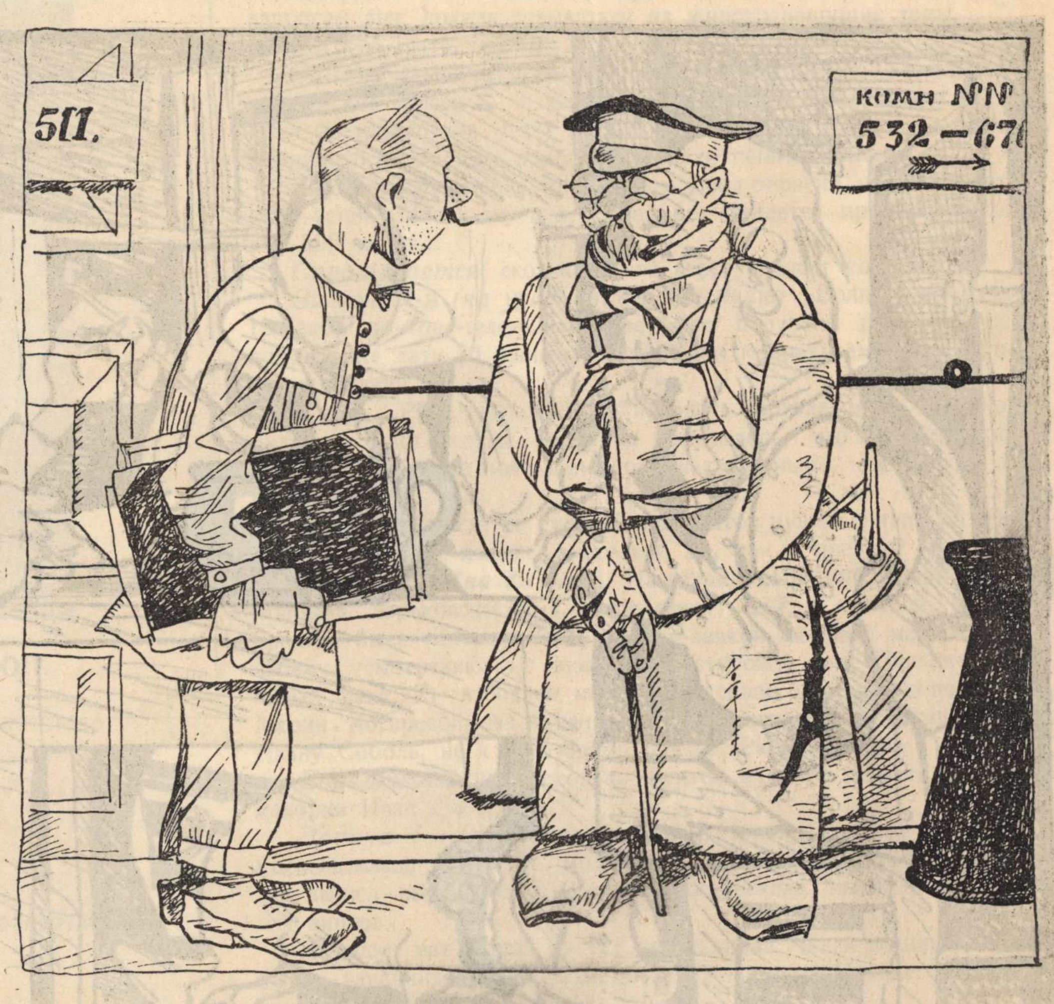
А часть Правления из второй очереди перешла в первую

Д—е

КРЕСТЬЯНИН В БЕДЕ

Рис. Б. Антоновского.

У предс. ВЦИК'а Калинина украдена единственная лошадь в его деревенском хозяйстве в Тверск. губ.

— А где тут, товарищ, безлошадным крестьянам пособие выдают?

ЭЛЕКТРО-ЧАСЫ

Рис. М, Шемиста.

МКХ решило в будущем году поставить на рабочих окраинах Москвы до 20 электрических часов на линиях трамвая.

— Это что? Новые часы поставлены?
— Кой чорт, новые! Третий год стоят, а поставлены еще раньше!

ГОРЕ—СМЫЧКА

Текстильсиндикат нагрузил деревенские потребительские общества шелковыми подвязками, Северо-Кавказский торг при покупке мануфактуры принудительно всучивает пожарные рукава. При отпуске посуды в деревню прислали ночные горшки. (Кр. Газета).

Рис. Н. Гадлов

— Дай городу хлеба, а он тебя посудой не оставит... Так-то, Микита!

ТАЙНА ТАИНИКОВ ГРАФА ШУВАЛОВА

Жизнь гражданина Ивана Матвеича Пшеничкина, бывшего дворецкого графа Шувалова, несложна и может быть рассказана в двух словах.

После Октябрьской революции, когда Шувалов бежал заграницу, а к Питеру подходили немцы, Иван Матвеич с кое-какими ценностями был эвакуирован главнаукою в Москву. Здесь он отбился от людей и сперва торговал на Сухаревке сахарином, а потом—газетами. И, выходя из ворот, крестился каждое утро:

— Господи Исусе Христе! Сделай так, чтоб эти двадцать нумерей „Известий" продать.

В 22-м году он словно ослаб ногами и устроился вторым дворником на Маросейке. Здесь-то именно и застает его наш рассказ.

В самое последнее время, когда Москва была охвачена тайниковой горячкой, Иван Матвеич начал замечать кое-какие перемены в отношении себя со стороны хозяйки, у которой он снимал угол. А однажды вечером, когда он пил пустой чай, хозяйка подсела к нему за стол, нежно влила в его стакан фруктового соку, угостила помадкой и спросила:

— А что, Иван Матвеич, насчет тайников у графьев Шуваловых ничего вам доподлинно неизвестно? В газетах пишут про всякие тайники, а про Шуваловские ни слова. Были, скажем, они, например, или нет?..

— А как же,—сказал Иван Матвеич, помолчав и раскусив помадку.—Были тайники. Восемь тайников есть. С барином Иван Андреичем укладывал их. Больше никто не знает. Два в конюшне замурованы, а шесть в доме.

— Иван Матвеич,—сказала хозяйка, подливая еще соку,—вы знаете меня, и хотя торгую на рынке барахлом, но я женщина честная. Ведь на этом деле даже за один указ их можно большие деньги сделать...

Она прошла к себе в угол и принесла две бутылки трехгорного и на 20 копеек колбасных обрезков.

— Выпейте и закусите,—сказала она,—потом, как вы нуждающийся элемент, я свожу вас в город Ленинград и третьего путать в это дело него.

С этих пор жизнь Ивана Матвеича пошла несколько иным порядком.

— В этот город Санкт-Петербург,—сказал он,—ехать тоже надо с умом. У их там ежечасные наводнения и, например, без калош ехать я туда несогласен.

На калоши хозяйка согласилась разом и начала готовиться к отъезду. Но старик понял себе цену, не торопился, ходил по комнате в купленых калошах и торговался:

— Опередить нас все одно никто не может. А только я человек мороженый и без сапог ехать туда не желаю.

Он походил немного, пожевал губами и добавил новое условие:

— И картуз турецкого табаку...

Хозяйка ершилась, но боялась, как бы Иван Матвеич не передумал и не выдал другому свои секреты, и потому согласилась.

— Хорошо, Иван Матвеич,—сказала она,—дорога туда и сюда тоже моя. Но только деньги за показ пополам.

Через три дня она послала на вокзал. На распросы жильцов: куда, зачем, — хозяйка говорила:

— Родственником они мне оказались. Ну, и вот на побывку вместе едем.

И даже кокетливо взяла его под ручку. В Ленинград они приехали в четверг утром. Погода была хмурая: шел дождь пополам со снегом, и ветер низко гнал клочья туч.

— Адрес-то, адрес-то, Иван Матвеич, помните?—торопила его хозяйка.

— На Фонтанке,—сказал Пшеничкин:—А вот только сперва надо в чайную зайти. Человек я мороженый и ходить скоро не могу.

Через час он повел хозяйку к Фонтанке.

— Оглядим, осмотрим,—шептала хозяйка,—а потом как придется уж...

Иван Матвеич остановился на одном из углов и недоуменно оглянулся.

— Что же это такое?—пробормотал он—и решетка графская с вензелями, а куда ж его дом то делся?

За решеткой виднелась пустая детская площадка, усыпанная песком и гравием. У хозяйки захолодело сердце, и она торопливо спросила у стоявшего недалеко милиционера:

— А где, товарищ, здесь бывшее помещенье графьев Шуваловых?

— Эва,—сказал милиционер, надевая от дождя капюшон,—Да оно еще в двадцать первом году сгорело и по кирпичикам давно уж разобрано. На его месте вон теперь детская площадка устроена.

Хозяйка посмотрела на бессмысленно топтавшегося в луже Ивана Матвеича в новых галошах и вдруг закричала несвоим голосом:

— Снимай!! Снимай сапоги и калоши! Ой, лихоньки мои, калоши-то ему девятый номер резиновые справила, сапоги кожаные.. Да что же это такое!.. Да чтоб ты сдох, окаянный, со своими тайниками!..

И плюнула себе под ноги.

В Тоболяков

В РАБСТОЛОВОЙ

— Хорошо здесь кормят?

— Да уж больно шум большой: не разберешь, что и ешь.

МУКИ ТВОРЧЕСТВА.

Растерялся совершенно я.
Ходуном голова моя ходит.
Хочу написать „что-то необыкновенное".
И... ничего не выходит!

М. Тименс

В ДОПРЕ

— А Иван-то Егорыча ставка подвела...
— Это персональная-то?
— Нет—очная: на ей вся его растрата и обнаружилась.

НАШИ ДЕТИ

— Мама, а что это значит „таракан запечный"?
— Ну, тот, которого в хлеб, например, запекают.

ОБНОВЛЕННЫЙ ЗАДАЧНИК

Всякие там Евтушевские, Малинины и Буренины, конечно, устарели.

Арифметический задачник, наравне с прочим, должен отвечать запросам дня, должен отзываться на животрепещущие темы.

Вот это мы и делаем.

Задача 1-я: (*на испытание*). По сообщению Гомельской „Полесской Правды",—в сельскохозяйственную школу имени Калинина (Стародубский уезд) явился на испытание один комсомолец Речицкого уезда. Ему пришлось пройти пешком 300 верст.

Выдержав испытание, комсомолец ушел обратно, чтобы забрать свои вещи. Теперь ему и в третий раз придется пройти пешком эти 300 верст.

Спрашивается: сколько всего верст сделает комсомолец?

Задача 2-я (на уравнение). Как пишет „Волна", в Архангельской почтово-телегр. конторе было получено радостное распоряжение дать 20 процентов прибавки к получаемому почтальонами окладу.

Вдруг... РКК распорядилась снизить почтальонам основной оклад на один разряд. Теперь и получилось, что с 20-ти процентной прибавкой почтальоны получают меньше, чем прежде, до прибавки.

Спрашивается: на сколько процентов нужно снизить, чтобы они получали не меньше, а столько же, как и прежде?

Задача 3-я (*на смычку*). На станцию Пришиб (Южн. ж. д.) прибыла Харьковская ж.-д. вагон-лавка № 2, в которой, между прочим, была махорка. Зав. вагоном-лавкой выдавал махорку по своему усмотрению: 1) школьному сторожу тов. Писанке дал целый фунт, 2) свободной молодой красивой барышне из поселка, Марии Косаревой, дал 4 пачки, а крестьянину того же поселка, Ивану Соболь, не дал ни одной пачки. (Рабкор 2855).

Спрашивается: на сколько фунтов и пачек меньше получил махорки Иван Соболь?

Задача 4-я (*тоже на смычку*). Новозыбковское отделение Госсельсклада отпустило молотилку „Эльворти Б.", но вместо 3-х дышел выдало одно. Веялку Госсельсклад выдал без ключа для винтов.

Не один мат вырвет из уст крестьянина такая машина в работе!—заканчивает автор заметки в „Полесской Правде", крестьянин Е. Федорченко.

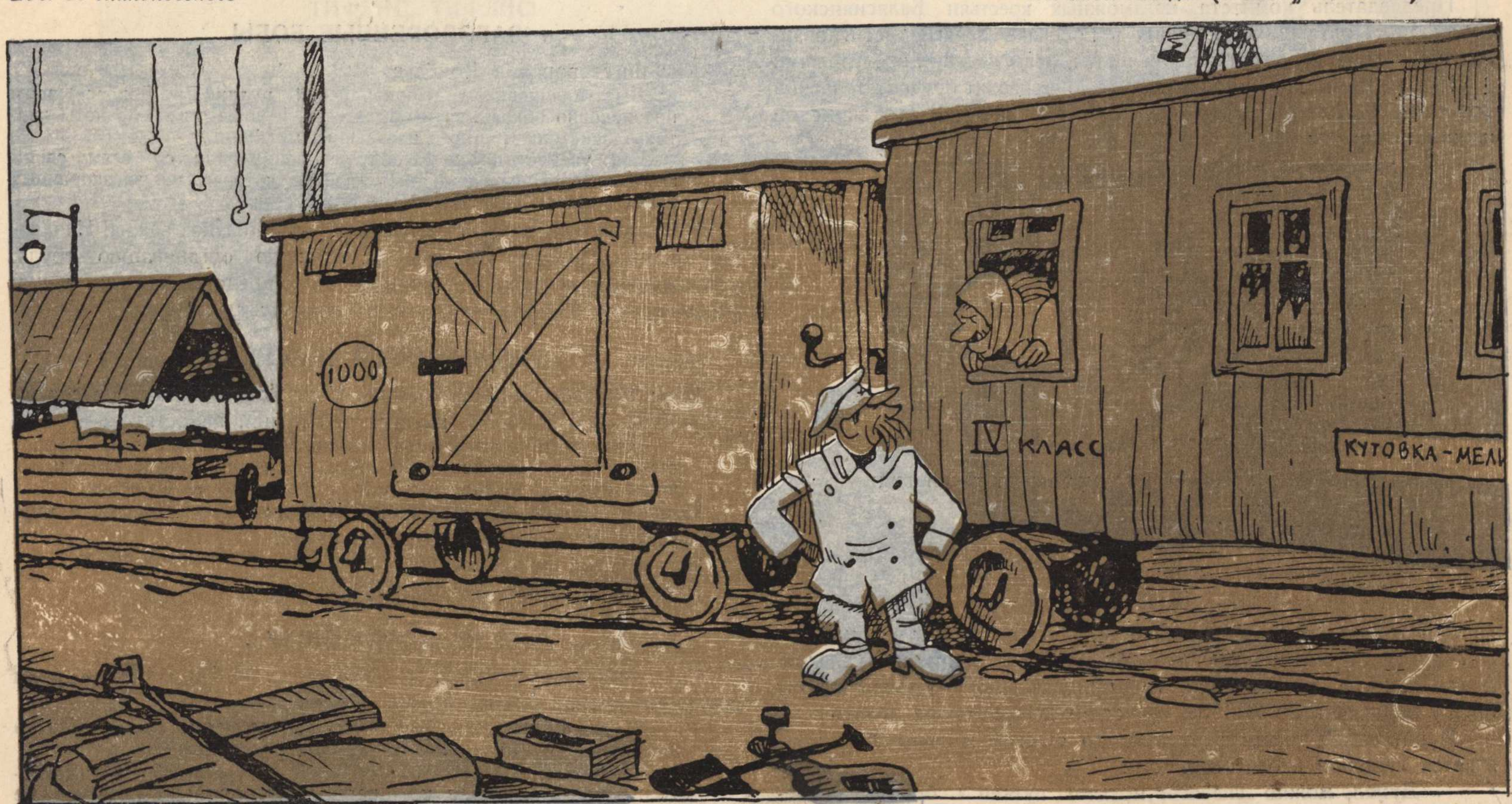
Спрашивается: сколько всего вырвется матов, если считать, что на каждую недостающую часть машины придется по два мата?

Азиат

В ТУПИКЕ

Рис. Б. Антоновского

НКПС сделал распоряжение об упразднении тов. пасс. поездов (т. наз. „Максимок").

— А что же мы вторую неделю не едем?
— Эва, хватилась! Ваш поезд как раз две недели, как отменен!

ВЕЛИКАЯ ВЕЩЬ ПОСЛОВИЦА

Рис. М. Черемных

— Что такое! В Октябрьском номере—и баба с цыплятами.
— Дак, товарищи, цыплят же по осени считают.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

БОРЬБА С ВРЕДИТЕЛЯМИ

Председатель комитета незаможных крестьян Балясиянского района на Полтавщине, получил в Госбанке деньги, ассигнованные на перепашку крестьянских полей, поврежденных вредителями.

Харьковский „Коммунист" (№ 223) приводит председательский „отчет" в израсходовании врученных ему денег. В его записной книжке значится:

Антонине—8 руб.
Нине—10 руб.
Дусе—5 руб.
Зине—8 руб.
Вере за 2 раза—13 руб.
Випивка и номер—38 руб.
Итого—87 рублей.

На следующей странице:

Антонине—8 руб.
Верочке—7 руб.
Жене—7 руб.
Выпивка—9 руб.
Итого—31 руб.

Далее „борьба с вредителями" принимает такой вид:

Антонине—8 руб.
С нею выпивка—13 руб.
Зине—8 руб.
С нею выпивка—9 руб.
Итого—38 руб.

Остальная сумма (всего было выдано на борьбу с вредителями 577 руб.), несомненно, использована была с таким же успехом. А так как ее не хватило, то принадлежащий Балясиянскому пред'у партбилет № 296739 был заложен в ресторане „Марсель".

И вот сидит теперь этот пред со строгой изоляцией и удивляется людской неблагодарности:

— Думал, можно сказать, новыми путями в борьбе с вредителями всю агрономию перевернуть... А вот—поди ты! Исправдом... Где правда?!

АККУРАТНАЯ... НЕВЫПЛАТА

Как ни странно звучит, граждане, однако, дело обстоит именно так. По сообщению Иркутской „Власти Труда",—

Месткому тулуновского узу понадобилась справка о сроках фактической выплаты зарплаты. Заведыв. узу отвечает:

— „Полагаю, что ваше постановление о выдаче справки не обосновано. *Невыплата во-в емя зарплаты идет по всем союзам (?) равномерно.* Следовательно, ваши справки—излишнее бумагомарание... Дать сведения не нахожу нужным. Согласуйте вопрос с председателем ГСПС".

Невыплата, стало быть, идет равномерно. А дураки в Союзе распределены неравномерно: например, в Тулуновском Уземотделе их слишком много!

ПРОЩЕ ПРОСТОГО

„Воронежская Коммуна" рассказывает о том, как Вор. Уком РКП запросил волостной райком о работе среди безпартийного крестьянства. Ответ гласит: —

„Гремяченский райкомпарт сообщает вам, что требуемые вами сведения характеристики на беспартийный актив крестьянства, доставить не представляется возможным в виду того, что таковой еще не учтен да и трудно доставить, т. к. крестьянство занято с.-х. добыванием хлеба *для пропитания, поэтому активн сти от таковых не видно.*

Не раз, должно быть, Уком вопил „райком не спи!" Однако, как видно не помогло. Восемь лет пролетарской революции проспали, черти!..

БОЛЬНОЙ НА ХОЗРАСЧЕТЕ

Имеется такой по словам „Бак. Рабочего" в Черногородской больнице;—

В 10-й палате больной Кондратьев, служащий на заводе им. Шмидта *вмешивается в хозяйственную жизнь больницы. Дескать, как на заводе был хозяйственником, так и здесь.* Ни одна порция сахару, или обеда не проходит без скандалов.

Молодчина, Кондратьев, ежели еще не выписался, продолжай наводить порядок, что-б порции не крали!

МУДРЫЙ ПРЕД

Существует в Тобольской губернии город Курган, в Кургане—газета „Красный Курган". Сообщает „Кр. Курган" странные вещи,—будто бы

Председатель Романовской маслоартели Марайского района Косачев Григорий, сдатчиков молока рассчитывает не деньгами, а.. *русской горькой.*

Наверное, еще и жульничает: пользуясь отдаленностью района, куда еще не продвинуто очищенное вино, вместо сорокаградусной всучивает тридцатиградусную. Нечего сказать, хороша спайка!

ЗАГОВОРЕННЫЕ БОБЫ

Как ищут воров в Донбасе.

В с. Калиновском (Первомайский рудник в Донбасе) воры преспокойно обкрадывали обывателей, а потом, для полноты картины, очистили и самого начальника милиции...

Как уверяет „Дон. Кочегарка", начмилиции, со всем своим штатом, отправился к местной гадалке, которая на заговоренных бобах выясняла, кто вор и где его искать.

Не важно нашла ли гадалка вора—инициатива важна! Начальник милиции вводит, так сказать, научную организацию труда, устанавливает смычку угрозыска с представителями науки (гадалка)... А вы говорите, что его уволить надо!

БЕСПОКОЙНЫЙ СЕРПУХОВ

Всем была бы хороша станция Серпухов 1-ый, но, по словам „Серпуховского Набата", имеется небольшой недостаток:—

Есть врачи и фельдшера, но приемного покоя нет. Бывают случаи, когда попавшего под поезд направляют, после длительных переговоров, в Москву или в Тулу (более чем за 80 верст).

Привезут попавшего под поезд в Тулу или в Москву, а ему, оказывается, и приемного покоя не нужно.

Ему вечный покой нужен.

Зря только людей беспокоют!

Я НА БОЧКЕ СИЖУ...

Есть такая веселая песня. Поют ее крестьяне Ив. Возн. губернии дер. Нестерцево, а поют ее вот почему:

В дер. Нестерцеве, Парской вол., крестьяне не задумались пропить даже колесный ход из под пожарной бочки.

(„Раб. Край").

Сегодня поют, а завтра петь перестанут: пропьют и бочку, не на чем будет петь.

А на что, я вас спрашиваю, бочка, ежели колес у ней нет?

ПЕНДЖИКЕНТ

Есть в Узбекистане гор. Пенджикент; в Пенджикенте—финотдел, а в финотделе —агент Муравьев. Куда Герострату до Муравьева!— тот хр м только сжег, а этот...

Вот послушайте, что рассказывае „Правда Востока" (№ 206).

„11 августа теплая кампания из местного исполкома имела свое „пленарное заседание" в одной из пенджикентских столовых.

И вот, после того как 2 четверти были опорожнены, встал финагент Муравьев на стол и в избытке своего величия, гордый своим положением, совершил на трапезном столе то действие, для которого в каждой квартире и каждом дворе строится специальное помещение.

— Зачем,—говорит Муравьев,—ходить мне в специальное помещение, ежели мне на столе удобно. Закуска кругом, выпивка, рюмки и тарелки,—люблю природу!

На крик и шум прибежал дежурный милиционер.

Начальник административного отдела Виноградов законно возмутился:

- Как ты смеешь, милицейская харя, вмешиваться в начальническое веселье! Кто тебя просил сюда? Марш на трое суток под арест! Я тебе покажу, каналья!

Будет теперь знать д журный милиционер, что значит вмешиваться в действия пенджикентских геростратов, воздвигающих себе „нерукотворные памятники" на трапезном столе...

ГДЕ ЗАРЫТА СОБАКА?

В городе Ульяновске, по словам „Пролет. Пути", на одной из улиц „случился случай":—

Бесславной смертью подохла собака неопределенной породы неведомо кому принадлежащая.

Волею рока скончался *пес как раз* против *квартиры городского* санитарного врача.

Шли дни и недели. Пёс разлагался. Врач безмолвствовал, жители затыкали носы и перебегали на другую сторону улицы. Наиболее активной оказалась торговка семячками. Пёс совершенно парализовал ее оборот. Торговка обратилась к знакомому рабкору. Рабкор напечатал заметку „Уберите падаль!" Не помогло. Тогда активная женщина решилась на крайнюю меру:

Беспризорному мальчишке-Саньке отпустила безвозмездно два стакана собственной продукции, и за эту мзду, бесцеремонно взявшись голыми руками за хвост, уволок Санька бренные останки пса в ближайший овраг.

Все? Нет, не всё. Через несколько дней появилось письмо в редакцию „Пр. Пути":—

Сансекция губздрава разъясняет, что *никаких экспериментов над трупом подохшей собаки она производить не намерена*, ибо это не наше дело, а Ветсанотдела.

Вот и ищи, где зарыта собака. По мнению некоторых — в овраге, а по нашему мнению—в Ульяновском Губздраве.

Не худо бы сделать какой либо эксперимент над Сансекцией, ну, скажем, почистить ее, что-ли?!

ТИФЛИС, ТИФЛИС!

Тифлисская „Заря Востока" (№ 975) рассказывает о том, что переживал некий тов. Гвидани, упавший в пропасть, но уцелевший, „благодаря кустику (?) ежевики, за который он схватился".

Исак Гвидани слетел вместе с лошадью в пропасть глубиною в 250 сажен, причем лошадь разбилась на смерть, а тов. Гвидани, скатываясь со скалы, случайно схватился за единственный (?!) кустик ежевики и на минуту повис на нем. В тот момент, когда кустик стал срываться, подоспели товарищи и с большими усилиями спасли Гвидани от гибели.

На наш вопрос товарищу Гвидани, что он переживал во время падения, тот ответил: „Жаль было умирать, не успев увидеть шоссейной дороги в Сванетию".

Гвидани! скажи им что они врут... Ты в тот момент думал о другом:—о том, что на конференции в Локарно германская делегация заявила протест по поводу присутствия польских делегатов и что композитор Глазунов учится играть на зурне. Правда, ведь?

ХОЗЯЙСТВЕННИК НА СЕЛЕ

По сообщению „Одесских Известий"

В с. Лазеватах. Первомайского округа, живет парень по фамилии Ротар. Парень как парень. И в сельбуд вечером заглянет, и газету иногда почитает.

Задумал он недавно организовать на селе комсомольскую ячейку. Дело хорошее. Созвал ребят Так, мол, и так. Гоните по гривеннику на знамя.

Собрал Ротар деньги, купил красного полотна и... конец. На этом история Лозоватской ячейки закончилась бы, если б не вздумал Ротар жениться (от скуки что-ли).

Женился—и преподнес жене ячейковое полотно на фартук.

Грустная история: не успел Ротар ячейку сорганизовать, как сам разложился без остатка.

Только женин фартук и остался.

САПОЖНАЯ МЕДИЦИНА

По сообщению Ленинградской „Красной газеты",—

Угрозыском привлечен к ответственности кустарь-сапожник Д. Андреев, 61 года, *занимавшийся, наряду с починкой сапог, лечением венерических болезней*, которые он лечил водой и водкой «Гонорар» за „лечение" уплачивался деньгами и напитками, до которых был падок „врач".

Что ни говори, частенько нам попадались врачи-сапожники, но сапожник-врач попадается нам впервые.

Каемся, может некультурные мы ребята, но не слыхали о таких. Ни-ни.

ВРАЧУ, ИСЦЕЛИСЯ САМ

Хитрые врачи, доложу вам, по Уралу пошли. Читают лекции по деревням и селам о вреде пьянства, а, между прочим, сами выпивают, при случае заливают за галстук в неограниченном количестве и считают это—в порядке вещей.

Например:

Коельский районный врач, отвечая на записку, поданную во время доклада, дал, как сообщает челябинская „Советская Правда", такое из ряду вон выходящее разъяснение:

Теперь выпивка разрешена, значит, и медицинский персонал может пить и в то же время делать доклады, какой вред приносит пьянство. Только, конечно, они должны пить умеючи.

Иной гражданин не медицинского звания нахлебается и слова вымолвить не сможет, а врач, который с пониманием, обязательно лекцию дочитает, икнет разок-другой, а со стула не свалится.

Что ни говори—наука.

ДОМАШНИЙ УЮТ

Число пивных на Баранчинском заводе быстро растет—причем помещения для пивных достаются путем выселения рабочих. Уральск. раб. № 180.

Рис. Л. Бродаты.

Трезвый наблюдатель: **Ишь разлегся, как у себя дома!**
Примеч. редакции: **Так он же у себя дома и есть!**

ЗАПЯТАЯ

„При обыске обнаружена одна капля самогона".

Из протокола начальника 2-го района Ачинской милиции.

— Пустая!—выкликнул старший милиционер, вытаскивая из-под лавки бутыль.

Начальник подскочил, выхватил у него из рук бутыль, поглядел на нее на свет и убедившись, что в ней действительно нет самогонки, вытащил пробку и поднес горлышко к носу.

— Самогонная!

— Из-под керосину,—сказал хозяин бутыли.

— Чего врешь?!—прикрикнул начальник и передал бутыль старшему милиционеру.

Тот зажмурил, предвкушая удовольствие от любимаго запаха, глаза и так нюхнул, что бритая верхняя губа закупорила ноздри.

— Самогонная!—радостно воскликнул он.

— А может, и был в ней когда самогон, а я, как купил ее по случаю у неизвестного мне гражданина на рынке,—окромя керосину в ней не держал.

Младший милиционер не удержался и, взяв из рук старшего бутыль, тоже нюхнул.

Широкая радостная улыбка расплылась по его лицу, как чернильная клякса на промокашке.

Он ничего не сказал, а только повернул левую руку ладонью вверх, что ярко говорило:

— Какие еще могут быть тут сомнения?!

— Дай стекляное блюдце,—потребовал начальник.

— Нету,—сказал хозяин квартиры и бутыли.

— Стакан!

— Пожалуйте.

— Нет, стакан не годится: глубок очень. Дай кусочек стекла... из разбитого окна, что-ли! Найдется?

— Найдется.

Все столпились у стола, на котором лежал осколок стекла. Начальник поднял бутыль отверстием над осколком, а донышком к закопченному потолку.

Время шло.

Чем перпендикулярнее к осколку становилась бутыль,—тем ниже склонялись головы присутствующих, тем больше бледнело лицо хозяина.

Густая важная капля медленно плыла по внутренней стенке бутыли, оставляя за собой мокрый, ручеевидный след.

Все затаили дыхание.

— Размажется, сволочь, внутри, и ничего не выйдет,—сокрушенно сказал старший.

— Выйдет!—уверенно и бодро сказал начальник.

И вышла!.. Чистой слезинкой, величиной с горошину, оторвалась от краешка горла бутыли одна капля и упала на осколок.

Начальник, у которого замлели руки, вздохнул облегченно. Хозяин нервно и озабоченно теребил свою бороденку.

— Хороший был самогон, чистой слезинкой!—с видом знатока (о чем свидетельствовал его нос) сказал старший милиционер, понюхав на почтительном расстоянии преступную каплю.

Начальник тоже понюхал и сказал хозяину:

— Вещественное доказательство на лицо!

— Керосин!—упрямо настаивал хозяин, протягивая руку к осколку.

— Понюхай, баранья голова!—сказал начальник.

Хозяин ткнулся носом в каплю и, словно метелкой, махнул бороденкой по осколку, потом, протягивая начальнику осколок, сказал:

— Керосином пахнет, но вещественных доказательств нет тут никаких!

Начальник поглядел на своих подчиненных и крикнул:

— Взять его!.. За уничтожение вещественных доказательств закон жестоко карает... Ничего, в Ленинград пошлем, там, брат, Академия Наук, там, брат, и на сухом стеклышке самогонную запятую сыщут!

— Вот тут-то и запятая!—ехидно откликнулся хозяин, не веривший в силу Академии Наук.

Впереди милиционеры вели преступника, позади сам начальник бережно нес сухое стеклышко.

Исидор Гуревич

НОЖНОЙ ТРУД

Рис. Г. Эфроса

В пекарне Центр. рабоч. кооператива антисанитария. Сушат сапоги в печи, а тесто ставят на пол, так что не трудно в темноте попасть в него. („Кр. Татария", 185.)

— А Петров-то какие кренделя ногами выделывает!

— Что он, танцор, что-ли?

— Не-е! Зачем? Он у нас пекарь!

ОТЧЕГО НАДЬКИНУ ВЕСЕЛО?

Вы, конечно, разные несуразные предположения делаете. С ориентацией на бутылку. А бутылка, извините, вовсе не причем. Не такой человек Надькин, чтобы из-за бутылки трепака откалывать.

Оттого Надькину весело, что „Смехач" с ноября четыре раза в месяц выходить будет: еженедельником заделался. Вроде повышения в ранге за выслугу лет.

В самом деле: за темпом жизни поспевать надо! Живем мы, можно сказать, лихорадочно: не жизнь, а кинофильма. Аппарат трещит, экран мигает, люди скачут, автомобили мчатся — разве за такой жизнью три раза в месяц поспеешь?

Другое дело—еженедельно. 52 номера в год. В восемь лет—416 номеров. В 23 года—1196. В 47 лет — 2444 Это темп! Это круговращение! А если еще на метрические меры перевести — дух захватывает. Астрономическое число миллиграммов выходит.

Народ теперь скептический пошел. Думает: если количество продукта увеличили, так обязательно качество снизят. Интересуется:

— Поди, число красок уменьшите?

Отвечаем: красок уменьшать не намерены. Не такие мы люди.

— В таком разе, художничков подешевле наймете?

Отвечаем: как был у „Смехача" первоклассный сотрудник, так первоклассный сотрудник и останется. Будьте благонадежны.

— Ну, значит, — решает народ, — беспременно цену на журнал повысите!

Отвечаем: цена на журнал остается прежняя. Вот мы какие люди!

А именно — нижеследующая цена на „Смехач":

На месяц — 60 коп.; на 3 месяца — 1 р. 70 коп.; на 6 месяцев—3 р. 20 коп.; отдельный № — 20 коп.

— Ну, в таком случае,—сдается народ,—адресок для подписки дозвольте. Был у нас где-то адресок записан, да во время сельхозналога заместо облигации по ошибке сдали.

— И приняли!?

— Еще-бы! Смехачевский-то адресок? Те-же деньги.

И вот мы соответствуем. Даем адресок. И даже не один, а два:

ЛЕНИНГРАД: Пр. Володарского 53-а и

Сев.-Зап. Обл. отд. „Гудка", Площ. Восстания, б. Северная гостинница, комн. № 40.

МОСКВА: Солянка 12, Дворец Труда, издат. „Гудок".

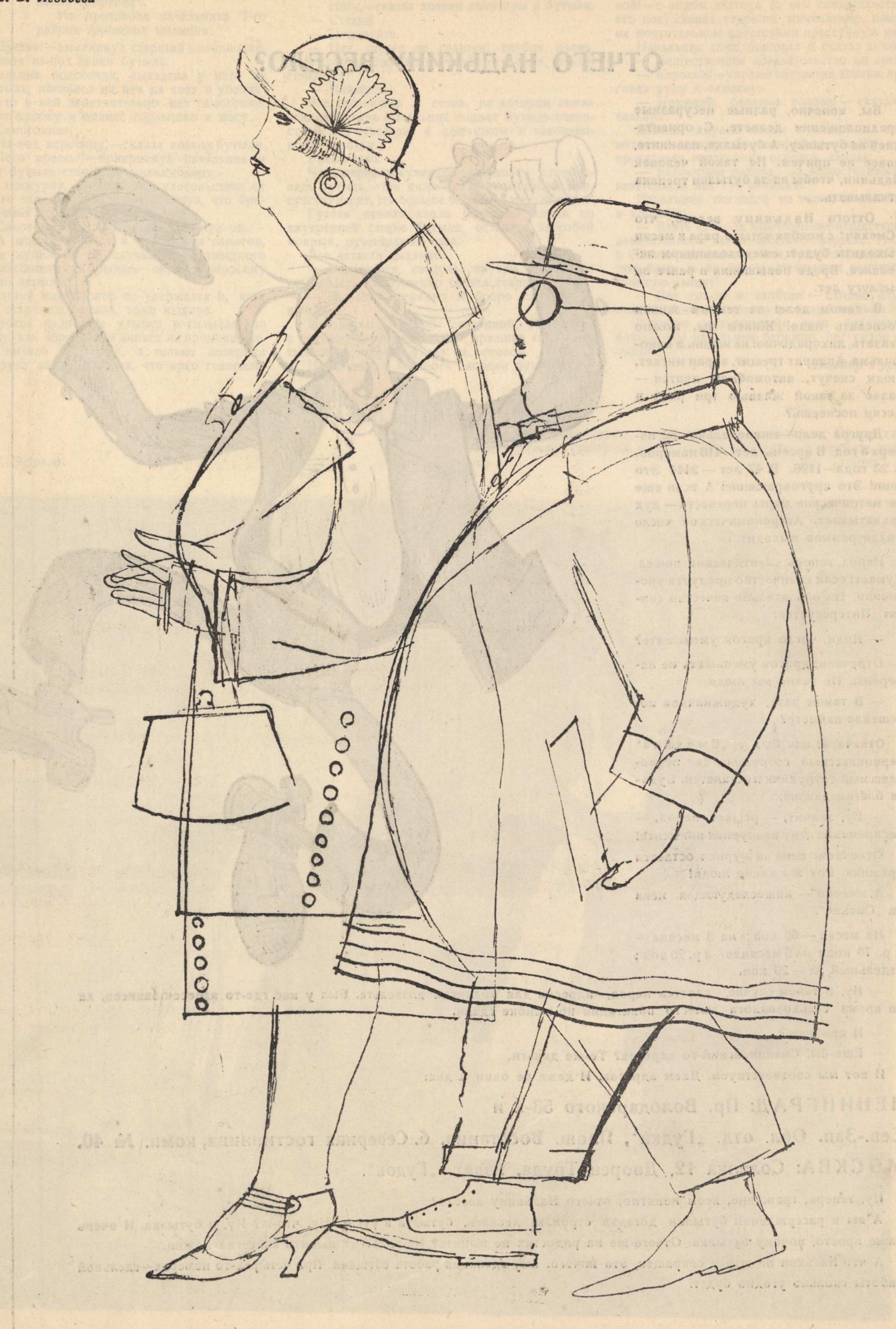
Ну, теперь, граждане, всем понятно, отчего Надькину весело?

А вы в рассуждении бутылки догадки строили: дескать, бутылка в руках. Ну, что-ж? Ну, и бутылка. И очень даже просто, почему бутылка. Отчего-же на радостях не выпить? На радостях выпить завсегда можно.

А что Надькин по штату сокращен, это ничего. Ему сдельная работа обещана. При четырех-то номерах—сдельной работы сколько угодно будет!

ОПАСНЫЙ ВОЗРАСТ

Рис. В. Лебедева

— На мой взгляд, вам нельзя дать больше двадцати пяти лет.
— Что вы, что вы! Защитник говорит, что самое большое— три года, и то— условно.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА“

Адрес для литературной корреспонденции— Ленинград, Пр. 25-го Октября 88. Рукописи, непринятые к печати, редакцией не сохраняются. По всем вопросам, связанным с неаккуратной доставкой журнала, подписчикам надлежит обращаться по месту подписки: Москва, Солянка 12, Дворец Труда, Главная Контора, или Ленинград, пр. Володарского 53а, Отделение Конторы.

Ленинск, Железному. Стишки не подошли. Сообщайте факты из местной жизни, имеющие общий интерес.

Москва, Лар-у. Вы пишите:

1) „Непонятно, кто этот Надькин? Действительно-ли существующий, прожигающий жизнь индивидуум, или же фантазия литератора и художника?“ 2) Заметки под заголовком *40 лошадей и 8 человек* бесспорно понятны и очень ценны, читаются с огромным интересом, но сам заголовок для меня непонятен.

Отвечаем: Отдел *40+8* мы уподобили товарному вагону, набитому всякой всячиной. Оттуда и вагонная надпись. Мы намеренно переставили— 40 *лошадей* (а не человек) и 8 *человек* (а не лошадей), потому что большинство описываемых в этом отделе смахивают на четвероногих.

Насчет Надькина слово предоставляем ему самому.

Надькин о себе:

— Скажут, ей-богу, такое! Как так я не существую, ежели меня даже сократили?!

Москва, „Страннику“. „Отправляюсь в вояж— буду в Минске, Смоленске, Витебске и Полоцке... Если могу быть полезным „Смехачу“ корреспонденциями, буду очень рад.

А покуда, что вы заехали, сверх маршрута, в стихи. Постарайтесь скорее выбраться на гладкую дорогу.

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

Рис. А. Юнгера

В Юрьевском у. Ив.-Вознесенской губ. крестьяне некоторых деревень вынесли постановление об организации общества—Долой Самогон. (Из газет).

— Граждане! А где у вас председатель общества „Долой самогон“?
— Он-то? А вон в крайней избе второй день очищенное хлещет!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ

„Кино-Газета“ (25) запуталась в четырех действиях. В самом деле, в ней сообщается, что

> Е. А. Боронихин снимается в настоящее время в шести постановках Севзапкино: „Наполеон Газ“, „Северное Сияние“, „Декабристы“, „9 января“ и „За жизнь и смерть“.

Перечли по пальцам, прикинули на счетах—всё пять постановок выходит. Очевидно, шестой будет постановка вопроса об улучшении репортажа в „Кино-Газете“.

СТОЛБНЯК

Одна из ленинградских вечерних газет, так описывает таинственное похищение одного американского врача:

> В лесу на автомобиль напали неизвестные в масках, захватили путника с собой и в течение 10 дней *переводили их из одного места в другое, постоянно держа их прикованными к дереву.*

Постоянно держали прикованными к дереву и переводили с места на место? Нелегкое дело—переводить с американского на русский!

РОМАНИСТЫ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ

В „Рабочем Крае“ некий гражданин Федоров печатает фантастический роман. Неугодно-ли?

> ГЛАВА XIII. ЧУДО ПРЕЕСТЕСТВЕННОЕ.
>
> *Питирима очень утомили и грандиозный размах промышленности, и эти условия борьбы и обороны.* Хорошо еще, что Роза доставила ему в промежутке приятный отдых на заседании центрального совета.
>
> Мудрено ли, что он с особым удовольствием сидел после обеда в уютной комнатке отдыха и вдыхал сладкий аромат любви.
>
> Роза в награду за его поведение позволила даже положить себе на грудь его голову. *Ее рука нежно перебирала его волосы, которые волновались ничуть не меньше его сердца.*

Хорошо Питириму: ему Роза в промежутке приятный отдых доставляет, а мы, несчастные, изо дня в день, без передышки, романом питаемся.

И волосы наши не то, что „волнуются“—дыбом встают!

ДЖИМ ДОЛЛАР И РУССКАЯ ГРАММАТИКА

В Ленинградской „Веч. Кр. Газете“ печатается роман Джима Доллара „Международный Вагон“. Интересный романчик, что и говорить. А только не по-русски пишется.

В одной из первых глав читаем:

Поезд мчался *со всех паров.*

Или в другой главе описывается, как

> она падала в самом честном и прямом направлении, *от высоты собственного роста прямехонько на тротуар.*

Товарищ Доллар! со всех паров пишутся только романы, а поезд, извините, даже экспресс, мчится *на всех парах.*

Опять же, падать *от высоты роста* не совсем удобно: можно расшибиться и забыть русский язык.

„ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ“

В „Оффициальном указателе ж.-дорожных, пароходных и др. пассажирских сообщений“ на лето с 1 мая с. г. находим, что в СССР имеется и такое пароходство:

> Пароходство по р. р. Амур и Ишик.

Амур мы знаем. А вот Ишика—на всей Советской территории не могли найти.

Мы знаем, есть Ишим, но это—сибирская река, а не дальневосточная. Есть Ишак, но это—кавказский протодьякон.

Есть на Д.-Востоке еще одна река—*Шилка*, впадающая в Амур.

Товарищ указатель! Может, это она и есть?

А *Ишик*—это, по Чехову, вроде Овсова?

МЕЖДОМЕТИЕ

С трудом мы поняли в „Труде“ (207) такой заголовок:

> Исключение из союза растратчиков.

Неужели уже и союз такой есть?! Нечего сказать, дожили! А бывают-ли в этом союзе растраты членвзносов?! Интересно-бы знать!

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский Гублит № 1319. Типография „Инвалид Печатник“, Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 60,000 экз.

НЕВЕРНАЯ ПРИМЕТА

Рис. В. Козлинского.

— Ишь, черти! Торговля на ять, а между прочим кожа никуда не годится!!.